

Одинокий голос человека

Британский Совет, вот уже несколько лет «обитающий» в Москве в стенах Библиотеки иностранной литературы, сделал нам замечательный подарок, организовав гастроли не просто «авангардистского» театра, но театра, сочетающего приемы авангарда (впрочем, многие из которых нам давно и хорошо известны) с глубоким, глубинным психологическим и историческим подтекстом, абсолютно доступным и понятным без слов (ибо слов в спектакле крайне мало и звучат они не только по-английски, но и по-немецки, и на идише...). Лондонский «Театр де Комплиците» привез спектакль «Улица крокодилов», поставленный по мотивам произведений Бруно Шульца, писателя, у нас почти не известного. Между тем, несомненно, крайне неординарного и своеобразного, с удивительно трагической судьбой. Он был убит эсэсовцами на улице своего родного Дрогобыча — австро-венгерского — польско-украинского городка 19 июля 1942 года.

«Земное время Шульца кончилось, могила неизвестна», — пишет Асар Эппель, российский писатель, которому принадлежит честь открытия для нас не просто книг Шульца (их всего две), но еще одного человеческого мира, еще одной замечательной писательской индивидуальности.

Английский театр расслышал и донес до нас «одинокий голос человека». Да, еврея, но и просто Человека, оказавшегося один на один с враждебной государственной машиной и безжалостно раздавленного, уничтоженного ею. Инсценировка сделана постановщиком спектакля, актером театра и кино, писателем Саймоном МакБерни и Марком Уитли. Спектакль поставлен с ощущением жесточайшей боли и редкостного сострадания. И именно эти чувства передаются в зал, становясь и лейтмотивом, и доминантой всего происходящего. Смотря на сцену, я пытался понять смысл того названия, которое дали спектаклю его создатели — «Улица крокодилов» (ибо у Шульца книги с таким названием нет), пока дошло: «крокодилы», на одной «улице» с которыми живет и погибает герой, это те же «носороги» Ионеско. Это — человек в царстве нелюдей.

Весь спектакль — это видения, воспоминания главного героя Иосифа — alter ego Шульца, которого с поразительной силой играет Цезарь Сарачу. Действие начинается с того, что Иосиф — Сарачу разбирает книги. И в его памяти оживают образы прошлого — давно ушедшей, тысячу раз растоптанной и уничтоженной жизни патриархального еврейского местечка, наивной, смешной, шумной, мудрой. Его жизни, из которой его вырвали насильственно и жестоко.

Асар Эппель сравнивает в своей статье Бруно Шульца с Кафкой. Да, чисто внешнее сходство есть, но мне представляется мироощущение Шульца, пусть менее «глобальным», но, несомненно, более гармоничным. Внутренне гармоничным. Лишенным раздвоенности. И особенно это очевидно в отношениях между Иосифом и его Отцом. В отличие от Кафки, Иосиф — Шульц испытывает к Отцу почтение, преклонение, нежность. В исполнении Мэттью Скерфилда Отец, Иосифа — типичный еврейский патриарх — величественный и комичный одновременно. На наших глазах, подобно сыну, утрачивающий почву под ногами, основу той жизни, которая складыва-

летиями? или тысячелетиями?) и которую разрушили, растоптали одним ударом сапога. И злое, разрушительное, враждебное начало воплощает в спектакле, как это ни странно, не эсэсовец, не гестаповец, а молодая немка Аделя (Лайло Баур), служачка в доме Иосифа и его семьи. Именно она изгоняет, в полном смысле выметает со сцены Отца. Впрочем, в какой-то момент Отец вновь возникает, но уже не в привычном черном лапсердаке, а в длинной белой рубашке. Вновь видение? Вновь воспоминание?

Поразителен, лишенный текста финал. На сцене все участники спектакля — приказчики, служанки. Они — внешний мир, его олицетворение, мир, который не принял, отринул от себя Иосифа. И он сам, посреди сцены, вновь одинокий человек, противопоставивший себя (скорее всего неосознанно) окружающей его жизни, в которую он так и не сумел вписаться. Под улюлюканье и топот сидящих на сцене, Иосиф медленно снимает с себя рубашку, жилет, даже брюки. Он голый лишенный всего, такой маленький Лир XX столетия, но только не король, не бывший властелин, неразумно отказавшийся от царства, — просто Человек, песчинка бытия, гонимая ветром истории. Но вот он подходит к сидящим, и топот, улюлюканье смолкают. Эти люди принимают его — маленького, жалкого — в свои объятия, нежно баюкая, передавая из рук в руки и постепенно унося со сцены.

Так, в полной тишине, кончается спектакль, в котором воплотился и трагизм конкретных исторических событий недавнего прошлого, и та, от века присущая миру, природе человека гармония, которую нельзя ни разрушить, ни вытравить из человеческой памяти. И гармония в этом тихом, полумистическом финале торжествует. В этом представляется мне пафос спектакля Саймона МакБерни, может быть, та целостность мироощущения, которой мы сегодня лишены, и урок, который он преподносит нам с достоинством, тактом и скромностью. И еще, мне кажется, что к герою этого спектакля, равно как и к негласно присутствующему в нем автору, замечательному писателю, применимы вещи, пророческие булгаковские слова: «Он не заслужил света, он заслужил покой». Ибо Бруно Шульц был тоже — Мастер.

Юрий ФРИДШТЕЙН.

Комплисите

1993

ИЮНЬ

